

---

© В.Б. СОКОЛ

Vasu108@mail.ru

УДК 165.62

### **ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РАЗУМА Э. ГУССЕРЛЯ КАК АНТИДИСКУРС**

*АННОТАЦИЯ.* В статье ставится проблема дискурсивного статуса феноменологического рационализма Э. Гуссерля на примере исследования феноменологии разума как ключевой задачи феноменологического метода.

*SUMMARY.* In article the problem of the discourse's status of phenomenological rationalism by E. Husserl on an example of research of phenomenology of reason as key problem of a phenomenological method is put.

*КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА.* Разум, сознание разума, феноменология разума, мысленный дискурс, антидискурс.

*KEY WORDS.* Reason, consciousness of reason, reason phenomenology, mental discourse, anti-discourse.

Начиная с 1904 г., то есть в период формирования идеи феноменологической редукции как ключевой процедуры новой философской методологии, основатель феноменологии Эдмунд Гуссерль (1859-1938) начал осознавать главную задачу своей «единственно строгой» науки — формирование *принципиально нового мышления*, входящего в своеобразный конфликт с «совокупностью мыслительных привычек» [1; 19], традиционно утвердившихся в западной философской традиции. Поводом для столь серьезной реформы европейского традиционного рационализма явилось удручающее непонимание и шокирующие автора «лжеистолкования» идей рождающейся трансцендентальной феноменологии, с которыми пришлось столкнуться Э. Гуссерлю даже в кругу своих последователей. Исследователи единодушно указывают, что в рукописных набросках, а также в письмах друзьям, коллегам и ученикам этого периода Э. Гуссерль неоднократно заявлял о необходимости отдельного труда по «продвинутой» феноменологии как систематического учения «критики разума». Например, в июне 1904 г. Гуссерль делает первые наброски на тему: «Феноменология и критика разума; феноменологическая критика разума» [2; 82]. В дневнике от 25.09.1906 г. есть запись: «И прежде всего нужно шаг за шагом дать рассмотрение феноменологии разума, а на этой основе действительное освещение феноменологии логического и этического разума в форме двусторонних принципов и основных понятий... Первый, в высшей степени несовершенный набросок систематического рассмотрения я дал в лекциях зимнего семестра 1904/1905 года» [3; XIII]. Под впечатлением предпринимаемого в этот период усиленного штудирования Канта, а также А. Мейнонга, Й. Петцольда, Ч. Корнелиуса, Гуссерль в этом же дневнике усиливает свои намерения личной решимостью бросить вызов собственному учению: «В первую очередь я выдвигаю всеобщую задачу, которую должен решить для самого себя, если я вправе именовать себя философом.

Я имею в виду критику разума. Критику логического и практического разума, оценивающего разума вообще...» [4; 45]. В канве цикла «Главные разделы из феноменологии и критики разума», Гуссерль с 26 апреля по 2 мая 1907 г. читает «Пять лекций по феноменологии», а затем «Лекции о вещи и пространстве», в которых выдвигает проект осуществления масштабной «критики разума» опять-таки как «центральную задачу» [4; 49]. В письме П. Наторпу (18.03.1909) хорошо просматривается новаторство феноменологической критики разума в сопоставлении с традиционным европейским философским мышлением: «От меня же в обозримое время не следует ожидать никакой «Логики», но скорее ряд крупных работ, посвященных существенно новой, как я полагаю, критике разума; новой, однако стоящей в необходимой исторической преемственности по отношению к проблематике Платона-Канта-Юма» [4; 54]. Там же основатель феноменологии сокрушается, что его «исследования, посвященные идее феноменологической критики разума, еще не опубликованы» [4; 84] (как известно, первые систематизированные размышления по феноменологии разума вышли в первой книге «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» только в 1913 году). В рукописном манускрипте 1910 г. «Размышления о правильном пути исполнения моих исследований» (L II 14/7b) Гуссерль однозначно признается: «Мое главное намерение касается проблемы разума... Начало же применительно к теоретическому разуму, к проблеме природы и опыта заключено в природе вещей...» [4; 86]. Наконец, в четвертом разделе первой книги «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии», озаглавленной «Разум и действительность», Гуссерль впервые разворачивает обобщающее видение своих феноменологических разработок, которое фокусируется именно в «феноменологии разума» (вторая глава раздела). Восходя к традиционным проблемам философии — истина, разум, бытие, идея, очевидность — основатель феноменологии демонстрирует совершенно необычный для западной философской традиции подход, прежде всего в трактовке разума. Завершающая книгу глава «Ступени всеобщности проблемы разума» представляет собой уже целый проект, хотя, правда, набросанный «на скорую руку», задающий долгосрочную перспективу исследований феноменологии как науки в общем составе знаний, прежде всего, о человеческом разуме. Проект предусматривает множественность «разветвлений» проблем разума, соответственно, предусматривает разветвления феноменологических дисциплин, способных охватить, насколько возможно, все аспекты обширнейшей темы рационального мышления.

Если поставить общий вопрос о специфике рационализма Гуссерля, то, прежде всего, несомненным для исследователей является факт того, что феноменология Гуссерля — одна из разновидностей рационализма XX века. Часто ярко выраженный трансцендентализм основателя феноменологии характеризуют как «обновленный рационализм, успешно противостоявший иррационалистическим тенденциям западной философии» [4; 540-541], фундированный идеями скептицизма и релятивизма, борьбе с которыми Гуссерль отдал всю свою творческую жизнь. В сути «обновленности» рационализма Гуссерля нас особенно интересует замечаемая феноменологами «своеобразная апория» [4; 540]. С одной стороны, множество аргументов подтверждают очевидность феноменологии как теории разума, в которой *ratio* как эпифеномен *cogito* является одной из констант гуссерлевского мышления. В «Кризисе европейских наук и трансцендентальная

феноменология» Гуссерль говорит о разуме как «энтелехии» человеческого рода [5; 32], а базовые тезисы, такие как «философия как строгая наука», феноменология как «наука о жизненном мире» указывают на специфические обозначения «особого» рационализма Гуссерля. Однако А. Агирре видит в этой стороне «достаточно наивное и даже некритическое заимствование старых критериев рационализма», обращая большее внимание на другую сторону «апории», а именно: широко известную критику Гуссерлем традиционного классического рационализма, концентрированное выражение которого находим опять-таки в «Кризисе...». Разрешение апории рационализма Гуссерля, по мнению Агирре, кроется в «новой модели» или уникальном «образе» разума, который, с одной стороны, вне кантианской дихотомии рассудка и разума, с другой — напоминает некоторые черты классического рационализма, оставшиеся «в тени» взошедшей звезды гносеологической системы Канта. Агирре выделяет следующие специфические черты «образа» разума Гуссерля [4; 541]: 1) фундаментальная роль интуиции, усмотрения (Schauen); 2) рациональный анализ не сводится к *ratio*, включается также *doxa*; 3) в качестве интенциональной процедуры добавляется трансцендентальное полагание (Meinen); 4) добавляется сфера «помысленного вместе» (Mitgedachte); 5) значение рефлексии усиливается; 6) непосредственная данность и синтез объединены по-новому; 7) действительное и истинное описываются в фокусе «усмотрения» разума; 8) соотношение «разум-действительность» раскрываются в свете новой «производной от феноменологии» онтологии как особый «регион бытия» разума.

Однако, на наш взгляд, верно обозначенная апория рационализма Гуссерля отнюдь не снимается спецификой некоего обновленного по сравнению с классикой «образа разума», поскольку функциональное и структурное моделирование разума оставляет представление о нем в границах психологической парадигмы мышления как определенного «региона бытия». Когда же Гуссерль ставит целью преодолеть классический рационализм на пути к «новому, совершенно измененному» в сравнении с естественными установками опыта и мысли *способу установки*» [1; 19], он прежде всего разоблачает наивность традиционной онтологии мышления, привязывающей мысль исключительно к языку. Точнее: основатель феноменологии категорически против наивного «само собой разумеющегося» онтологически-дискурсивного догмата абсолютного тождества мышления и так называемой внутренней речи (то есть дискурса) как единого «региона бытия» (тезис психологизма, с критики которого Гуссерль начинал свою феноменологию). Для Гуссерля суть нового феноменологического рационализма заключена в открытии неведомой ранее «априорной логики» сферы аподиктической несомненности, открывающейся в феноменологической установке. Новую установку познания основатель феноменологии, как известно, характеризует, прежде всего, особым состоянием феноменологического *erosche* (то есть свободы от всяких суждений, конструируемых на языковой основе под властью той или иной дискурсивной эпистемы), которое является прямым результатом трансцендентально-феноменологической редукции, в том числе редукции «региона бытия» классического мышления. Еще в «Логических исследованиях», характеризуя сущность «содержаний» интенциональных переживаний, Гуссерль однозначно разделяет созерцание и мышление как разные акты сознания: «сущность осуществляющего созерцания заключается в определенных актах: мыш-

ление и созерцание — как акты — должны различаться» [6; 321]. По-своему этот очевидный факт уникальности «содержания» логики Гуссерля отметил еще С. Франк в своем предисловии к первому российскому изданию «Логических исследований»: «Гуссерль проводит резкую и ясную границу между объективным идеально-логическим содержанием мышления и субъективным, реально-психологическим процессом мышления» [7; 7]. Следовательно, феноменологический разум Гуссерля и мышление классического рационализма расположены в разных «регионах бытия», что совершенно ясно и недвусмысленно утверждает основатель феноменологии в своей «феноменологии разума» Идей I, отсылая нас к «опыту до мышления», точнее «конституированию в системе многообразий опыта, *пред*-шествующего всякому "мышлению"» [1; 472]. Классическое мышление для Гуссерля — это «мышление» в кавычках, а именно, та «совокупность мыслительных привычек», которая является решающим препятствием на пути к феноменологической рациональной дескрипции аподиктических сущностей чистого сознания, являясь, в том числе, глубинной причиной всевозможных «лжеистолкований» феноменологии [1; 19]. Здесь мы обнаруживаем реализацию ранней идеи Гуссерля, одной из центральных в «Логических исследованиях», а именно, идеи смыслогенеза в «одинокой душевной жизни», где смыслы еще не «сцеплены» ни с какой знаковой системой, в том числе языковой. Именно Э. Гуссерль впервые обратил внимание, что в «одиноком» размышлении человека с самим собой (в *теории дискурсивного анализа* эта форма «дискурсивной практики» получила название *мысленного дискурса*) коммуникация (смыслообмен) осуществляется *до* всякого знакового оформления (в том числе и языкового). Это особое открытие уникальной способности человеческого сознания Гуссерль обозначает во 2-м томе «Логических исследований», выделив его как *ключевой факт для обоснования своего феноменологического метода — факт рождения смыслов как актов переживаний в тот же момент, что и слов «в одинокой душевной жизни, где слова не служат знаком»* [6; 46]. Другими словами, смыслы рождаются в сознании независимо от знаков, которыми они закрепляются уже на «выходе» во внешнюю коммуникацию, а значит, независимо от всякой мыслеформы, не говоря уже о какой-либо лингвистической конструкции\*.

В контексте дискурсивной парадигмы, смыслы «одинокой душевной жизни» *интенционального субъекта* Гуссерля задают особый феноменологический рационализм, *трансцендентный* по отношению к классическому рационализму *трансцендентального субъекта* Канта, то есть к дискурсивному бытию. Обнаруженная апория феноменологического рационализма, строго говоря, сводится всего лишь к определенной «языковой игре», конструирующей (под влиянием наивности естественной установки) иллюзорное впечатление о некоей двойственности рационального «опыта до мышления». Ее дискурсивная суть в ограниченности классического рационализма пределами «плоскости» или «складки» (Делез) того или иного дискурса. Следовательно, преодоление аперии разума Гуссерля — в выходе из-под власти всякого дискурса. Феноменологический разум есть сфера некоего антидискурса, которому Гуссерль подбирает

\* Именно здесь берет начало феноменологический антидискурс, дающий перспективу выхода из-под «власти дискурса» естественной установки.

очень точное обозначение — «сознание разума» (*Vernunftbewußtsein*): оно подразумевает не мышление, а акты переживания мышления. Только в сфере чистых переживаний антидискурсивных смыслов, имманентных сознанию интенционального субъекта феноменологической установки, открывается предметное поле рационального исследования, открытое «единственно строгой наукой» Гуссерля, и, соответственно, недоступное наивному мышлению естественной установки (то есть сферы власти любого вида дискурса), которое не удалось до конца преодолеть «последователям» основателя феноменологии.

Итак: 1) феноменология Гуссерля открывает перспективу нового мышления; 2) суть нового феноменологического мышления не сводится к классическому традиционному пониманию мысли как внутренней речи и предполагает разрыв с внутренним дискурсом и выходом в «регион опыта до мышления», состоящим исключительно из чистых смыслов, свободных от языковой обусловленности (антидискурс).

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.
2. Husserl-Chronik. Denk- und Lebensweg Edmund Husserls /Hg. v. K. Schuhmann, 1977.
3. Husserliana. Husserl E. Gesammelte Werke. Bd X: Zur Phanomenologie des inneren Zeitbewußtseins (1893-1917) /Hg. v. R. Boehm. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1966.
4. Мотрошилова Н.В. «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М.: Феноменология-Герменевтика, 2003. 716 с.
5. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004. 399 с.
6. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 3 (1). Логические исследования. Т. II (1). Исследование V. М.: Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001. с. 471.
7. Франк С.Л. Предисловие // Э. Гуссерль. Логические исследования. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000.